

К 556

4 ГОД ИЗДАНИЯ ТРЕТИЙ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МОСКВА, МАЙ 1925 г.

№ 19 (129)

Цена 15 коп.

КРОКОДИЛ

Рис. К. Ротова.

НАМ НУЖЕН ХОРОШИЙ СТРЕЛОК!

Хорошему стрелку нужен и хороший тир. Вот мишени, по которым надо бить.

Рис. С. Адливанкина.

- Этот оратор размахивает руками, словно ветряная мельница крыльями.
- Крылья я вижу, а где же ветер?
- Ветер у него в голове...

НЕУДАЧНЫЙ ПРОЛЕТ-РАССКАЗ.

Я написал пролетарский рассказ из семейно-партийного быта. Этот быт, с его повседневными, будничными подробностями, еще не выявлен в художественно-пролетарском отображении, — вот почему я и взялся за это дело.

В текущий момент окончания моего рассказа художественно-пролетарские критики стояли на посту. Я сделал по направлению к ним марксистский подход, зачитал свое произведение и спросил с робкой идеологической выдержанностью в голосе:

— Ну, как?..

Критики посасывали, поставили вопрос на голосование и ответили:

— В общем и целом, приемлемо. Коммунист обрисован даже недурно. «Его серые стальные глаза, сверкавшие непреклонной энергией»... «Непреклонная железная решимость, выражавшаяся в каждом движении, в походке и в очертаниях твердо-сжатых губ»... «Вздыхавшая под кожаной курткой могучая грудь с остатками легких, изъеденных долгими годами тюрьмы и ссылки»... Все это правдиво, жизненно и не содержит в себе идеологических уклонов... Но... почему же этот стойкий товарищ женился на беспартийной?

— Уж и не знаю, право, — хмуро ответил я. — Не мое это дело. Согласитесь, товарищи, что пролетарский писатель не долженковыряться в психологических тонкостях...

— Подробности тоже имеют значение. Вот, например, он у вас ежедневно по утрам делает ей доклад о международном и внутреннем положении, затем они вместе прочитывают главу из Маркса, затем поют Интернационал, затем почитают вставанием память погибших бойцов и посвящают часа два времени обсуждению вопросов внутрипартийной дискуссии... Неправдоподобно, товарищ!

Я удивился и слегка обиделся:

— То-есть, как это так неправдоподобно? Что-ж они, по-вашему, должны делать: чай пить с булкой и с маслом и разговаривать о погоде или о художественном театре? Так, ведь, я, извиняюсь, не мещанский описываю быт, а партийный!

— Могут и о пролетарской литературе разговаривать... Но не в том дело, а вот—откуда они время берут на все это? Ведь, он же у вас—ответственный политработник, а она служит в губотделе пищевкусовиков?

Я почесал в затылке:

— Извиняюсь. Очень спешно писал,—забыл пояснить, что они оба получили отпуск. Вот они и проводят свой двухнедельник идейно-полового общения в интимных беседах о марксизме, в посещениях общих собраний и докладов, в чтении выдержек из...

— Одну минутку, — остановили меня критики: — это что же такое—двухнедельник идейно-полового общения?..

— Замена неприемлемого выражения «медовый месяц». Тем более, что отпуска теперь двухнедельные... Да что вы придираетесь, в самом деле! Что-ж, по-вашему, у коммуниста уж и никакой личной жизни не может быть? Записался в загсе — и сейчас же обязан откомандироваться в деревню на предмет смычки, а с женой встретиться только через год, на Урале, по случаю переброски ее в ташкентский женотдел?.. У него, может, тоже кровь играет, у коммуниста-то! Имеет право хоть две-то недельки походить с женой на собрания и обменяться мнениями по основным вопросам марксизма... Хоть и со стальными глазами, а все-таки-ж человек!..

Критики снисходительно усмехнулись, посоветовались и заявили:

— Напрасно вы горячитесь, товарищ! В этом мы вас не оспариваем. Но дело в том, что... ваш рассказ, по внимательном его рассмотрении, нельзя признать идеологически-выдержанным.

— Это, то-есть, в каком же смысле? — удивился я. — Старался, кажется...

— Мало ли что, старались! Попутчики тоже стараются. Дело вот в чем: сначала у вас все правильно, но к концу вы, незаметно для вашего собственного невыкристаллизовавшегося сознания, допустили некоторые сдвиги и даже провалы... Ну, вот, например, в одном месте у вас партийный человек заявляет, что «хорошо бы сейчас рюмку вина, да горячую бы котлету»... Коммунист это у вас говорит! Этими самыми словами!

— А что-ж, ему: стакан нефтяных остатков выпить и прошлогодним номером «Правды» заесть? Так это тоже плохо: ее, «Правду»-то прошлогоднюю, лучше в порядке культшефства в избу-читальню пожертвовать...

Критики сказали сухо и выдержанно:

— Вы не понимаете. Этого и тов. Ярославский не запрещает, чтобы рюмку вина. Но если ваш герой, коммунист, произносит такие же самые слова и выражает такие же желания, какие можно услышать от любого беспартийного советского служащего, то... ну, какой же это коммунист в художественном отображении? Какой же это пролетарский рассказ?.. Недоставало еще, чтобы ваш партиец галстук перед зеркалом завязал или бы порцию мороженого слопал. Так это будет рассказ из жизни мелкобуржуазного окружения, а не из какого-нибудь партийного быта! В «Красной Нови» место такому рассказу!..

Я опустил голову. И, залившись красной краской стыда, разодрал рукопись пополам.

Счастье еще, что в этот истекший момент мое переконфуженное, озадаченное лицо было обращено не к деревне...

Грамен.

Рис. Бор. Ефимова.

Зам. и секретарь озабоченно беседовали на пороге завова кабинета:

— Не приказывает Матвей Николаевич стол свой трогать! Так, говорит, все и лежит пускай, как я положил.

— Да, но ведь его уже несколько дней нет. Квартира не отвечает; курьера послал, — комната заперта. Уже не случилось ли чего?

— Не думаю. Наверное, на периферию внезапно выехал. Это бывает. Перегружен человек, — забыл известить.

— Все-таки надо покопаться. Срочное, ведь, дело-то. Третий запрос вот, а дело у него было...

— У него, у него! Я сам ему подал, — он тогда лично на машинке секретный доклад писал, я ему на стол и положил.

Зам глянул вглубь кабинета и изумленно спросил:

— А где же стол-то? Тут копна какая-то бумажная, а стола нет!

— Это всегда так. Вы недавно к нам назначены, а мы уже привыкли: переписка, знаете, большая...

Зам покачал головой и решительно сказал:

— Придется поискать все-таки! Распорядитесь там, чтобы на сверхурочные осталось человек пятнадцать, а то до стола не докопаемся.

Раскопки пошли успешно. Часам к пяти вечера под верхними наслоениями был обнаружен портфель зава, затем показались контуры стола. В восемь часов вечера работа была прекращена, а на другой день с утра зам вызвал пожарных с крючками, и работа снова закипела. Мало-помалу смелые исследователи двигались к успешному завершению задачи: извлекли странную окаменелость, в которой эксперты признали бывший калач, затем наткнулись на остатки истлевшей пишущей машинки, и, наконец, послышался пронзительный голос курьера Жени, на четвереньках заползшего куда-то вглубь веков:

— Еще чивой-то есть!

И Женя вытянул какой-то протяженный предмет, завернутый в материю. Один конец предмета был, видимо, обшит кожей, а другой — покрыт остатками шерсти.

— Бббоже-ж мой! Да ведь это Матвей Николаевич!

— И на кого-ж ты нас спокинул! — заголосила уборщица Таня.

Присутствующие в спешном порядке почтили вставанием память Матвея Николаевича и тут же слушали-постановили:

— Об увековечении памяти безвременно погибшего — организовать вечер воспоминаний и его именем назвать кабинет.

Вдруг тот же Женя сообщил:

— Двошит ишшо! Живой!

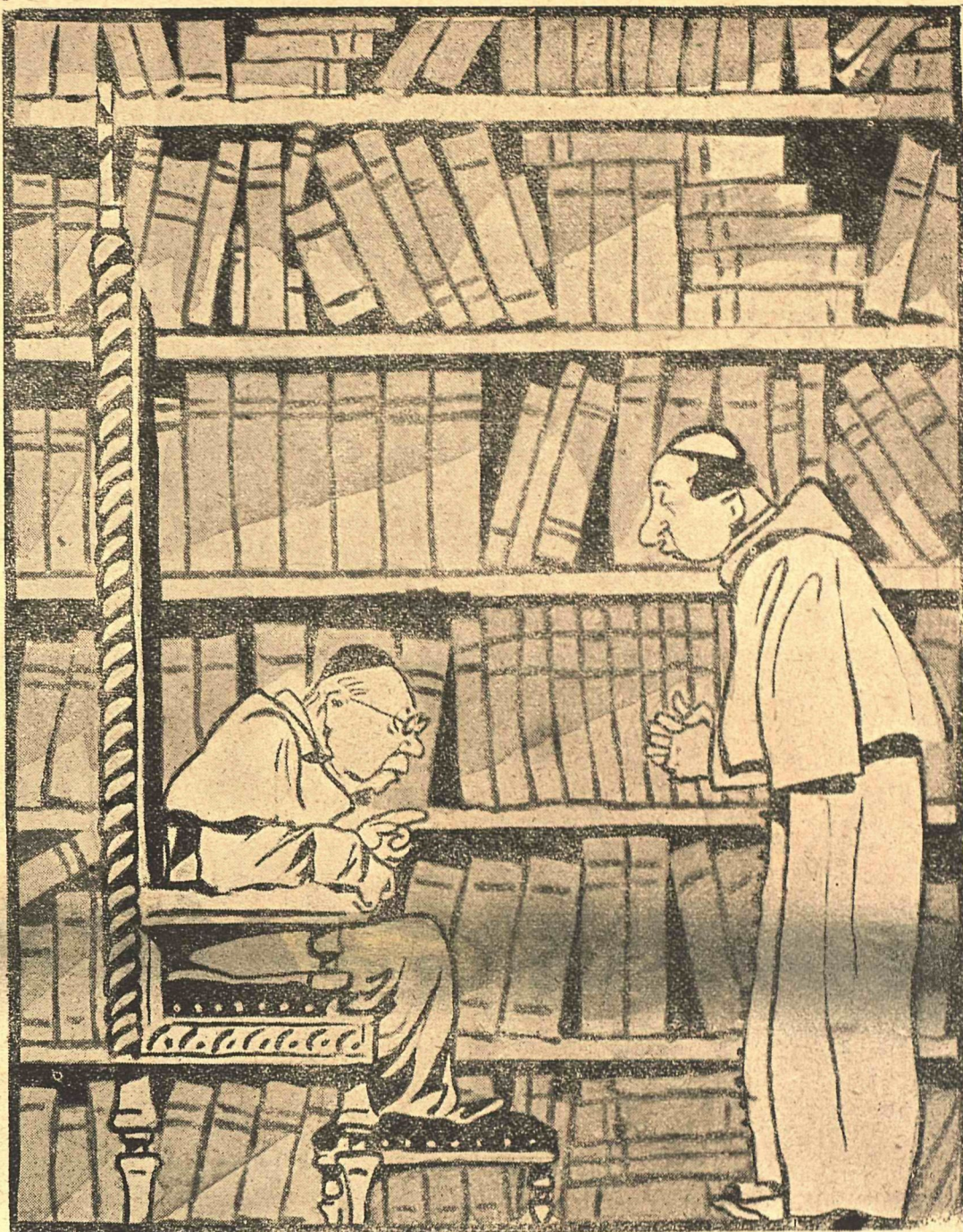
— Где там — живой! Машинка, и та не выдержала!

— Чай человек, не машина! Говорю — живой! Моргает!

И, действительно, присутствующие с почтительным трепетом заметили, как взметнулись кверху остатки заводских ресниц. Еще секунда томительного ожидания — и придуренный голос Матвея Николаевича произнес:

— Почему... без... доклада?

Вл. Павлов.

— Святой отец! Что вы посоветуете взять из книг при поездке в СССР?
— Возьмите, мой сын, уголовный кодекс..

МОСКВА МАЙСКАЯ.

Вечер. Суббота.
Кончилась раньше работа.
Массы
Штурмуют вокзальные кассы.
Полны перроны,
Битком — вагоны.
В деревню, на лоно,
На дачу, в гости,
Ломя кости,
Спешит Москва.
Там — трава,
Там — цветы.
Нет духоты.
„Ту-у-да! Ту-у-да!“
Кричат поезда.
На Москва-реке
Блещут фонарики.
Пристань работает ходко:
Приходит,
Отходит
За лодкой лодка...
Полны все скверы, сады, бульвары,
На лавочках жмутся нежные пары.
Звучат гитары, разговоры,
Струн гитарных переборы:
— „Когда б имел золотые горы
И реки пол-ы-ные вина,
Все отдал за любовь, за взоры“...
Та-тин-на, та-тин-на, та-тин-на-на-на!
Блещут огни кино,
Оно
Полно.
Кричат плакаты лаковой краской:
„Дама с черной подвязкой“.
— „Завтра—

Полет по неведомым странам,
Сценарий известного автора!
!!!Первым экраном!!!“
В зале — душно. Пахнет пылью и потом.
— Ваня, прочти, что там?
— „Джек влюбился в сиамку и они на...
(Пляшет картина, —
— Рамку! Рамку!!)
— ... „И они направляются в предместья
Парижа“.

Говорил, — надо сесть поближе!
В пивных под штопором чокают пробки.
— Пок! Пок! Пок!
Пар уплыл в потолок.
Склеило столики людское тесто.
Нигде нет места...
Стучат о бутылку стаканом.
— Еще пивка нам!
— Сеня, поставь на спрыски!
— Раков!
— Сырку поскорей!
— Когда же сосиски?
— Сухарей!
— Ну, — разгонную пару. Пей — и айда!
— Гражданин, вы уходите?
— Да!
— Сеня, — сюда! Сюда!
Ночь. Суббота.
Можно гулять без заботы.
Гасят везде фонари.
Бронзой блеклой
Брызнули в стекла
Алые маки зари...
Минул день вчерашний.
Бьют часы на башне:
— 4-час, два, три...

Евс. Лебедев-Кумач.

ВОЕНИЗАТОР.

„Очередная задача—военизация гражданского населения. Военное знание должно стать достоянием каждого сознательного гражданина Союза СССР.

(Из ряда статей).

В союзной поддружке нашей, Белоруссии, в большом городе стоит дивизия. При штабе дивизии есть политотдел, а при политотделе—„заведующий дивизионным спортом“—Клякса.

Так вот-о нем.

Военизирован сей муж с макушки своего комсоставского шлема до малиново-звонких шпор.

Ежели он—на коне, то посадка—наполеоновская, левая рука—с художественной небрежностью на боку, взор—орлиный и чело по „штабному“ нахмурено, а позади в почтительнейшем расстоянии трусит на мохнатой кобылке Кляксин ординарец.

Такое получается внушительное зрелище, что у репортеров газетного комбината („Звезды“, „Млата“ и „Векера“)—невольнo тянется карандаш к блокноту и заглавие заметки само собой в мозгах хроникерских намечается:—«К немедленному началу военных действий!» и никаких компромиссов!

Такое внушительное зрелище Кляксы на коне, что допотопные конки, влекомые поджарой тройкой кляч, сползают с рельсов; бочки, «конвоируемые» золоторотцами, издают с испугу разительный дух, и беспризорные собаки кидаются в стороны, точно петля собаколова—гицеля уже закинута над ними.

Но эта же Кляксова внушительность, эта его кавалерийская неотразимость ранит разрывной пулей сердца тех, чьи голубые, серые и карие глаза следят за всадником из мансард, балконов и витрин.

Так, кавалерийским «вступлением», начинается «трудовое» утро «военизатора».

Засим следует трудовой полдень.

Клякса осторожно ступает солнечно начищенным сапогом по минской, не слишком вылощенной, панели.

Клякса «стреляет по мишеням», прицел его меткого глаза не знает промаха. Раз—и жертва «подстрелена».

„Военизатор“ с видом цезаря-победителя ведет пленницу под руку. Победно звенят шпоры, и холеная бородка, светлая, подобная первой весенней травке, самодовольно вздрагивает на Кляксином подбородке.

— Ах, демуазель! мы, военные—такие одинокие... Военная служба, демуазель... Это, знаете ли...

„Демуазель“ искренно возражает:

— Но ведь вы-то не скучаете, я всегда вас вижу в обществе одной из...

— Ах; демуазель!—млеет и жмурится военизатор.

И так—до обеда.

Обедает Клякса с „полной нагрузкой“, что кладет румяную печать на его выпуклые щеки. А после обеда „военизатор“ вновь на „боевом посту“, вновь—„стрельба по мишеням“ и военизация гражданского населения по линии слабого пола. Так до сумерек, до кино, где—новые развлечения, новая пища для „ума и сердца“. Заниматься-же таким „штатским“ делом, как чтение, конечно. Кляксе недосуг. Писанием чего бы-то ни было он также не имеет желания утруждать себя. Писание—дело „писарское“. Да и нужны-ли Кляксе подобные „бирюльки“, ежели он не просто человек культурный, а еще повыше того—физкультурный.

Так „живет“, „работает“ и „побеждает“ военизатор Клякса. И хотя „победителей не судят“, но не мешало бы устроить агитсуд над военизатором-победителем!

Митниченко.

Рис. Ю. Ганфа.

ЗАБОТЛИВЫЕ РОДИТЕЛИ.

— Зачем же вы ребенку пиво даете? Ведь, вредящее оно.

— Почему вредящее? Очень полезный напиток: выпьет парень и спит целый день, совсем не кричит...

— С каждой бутылки пива теперь будет брать налог на жилищно-строительство...
— Жаль, что раньше не брали: у меня уж был бы пятиэтажный дом.

ГИБЕЛЬ ЗЫКИНА.

Не изжиты еще принципы выборности и
назначенства рабкоров.
(2-е Всесоюзн. Совещ. рабкоров).

Ваня Зыкин был парень хоть куда: работяга, здоровяк, весельчак. На производстве—архиспеца за палец заткнет. В организациях—медом не корми, только дай погубить. Он тебе и „смычку“ наладит, он и за МОПР агитирует.

Ване только заглянись, и Ваня тут как тут:

— Что? Затраивает?—И забегает, и захопчет.

И сряслась с Ваней такая беда.

Собрание. Один вопрос только послушали и руки подняли. Другой—пожевали. Перешли к третьему.

— Товарищи! Нам надо выбрать рабкора и зафиксировать. Потому, ежели с нас требуют сведения, а официально, без мандата как-будто не твои... В общем и целом мы наметили тов. Зыкина. Пушай поработает.

Ваня взмолился:

— Что вы! Братцы! Я и писать не умею.

— Как не умеешь? А протоколы пишешь? Нет, брат, ты не увливай! Кто „за“? Прошу поднять...

— Подождите! Товарищи! Зачем обязательно меня? В газету Степанов пишет, Григорьев пишет, Петров хочет...

— Как же они могут писать, коли их никто не выбирал?

— А я как буду писать, если у меня, можно сказать, душа не лежит?

— Нам хочется, чтобы ты был рабкором. А раз выбирают на общественную работу, значит, не имеешь никакого права отказываться! Кто „против“? Нет? Единственно. Переходим дальше.

Но Ваня этого „дальше“ не слышал.

Кое-как дождался конца собрания и с последней надеждой к председателю:

— Друг мой! Избавь!

— Не могу... Собрание поставило...

— Ну, хоть скажи: о чем писать.

— Описывай наш быт. Да смотри, чтоб статьи были побольше, а то вон с ткацкой фабрики пишут, и читать нечего.

Зыкин пошел домой и, не обедая, уселся за работу.

Написал заголовок: „Статья о быте“. Поскреб карандашом начинающую лысеть маковку и начал думать. Выкурил две цыгарки. Отгрыз кусок каравдаша.

— Гм... Статья... Это что-то большое...

Зачеркнул. Вывел крупно, с закорючками: „Заметка о быте“—и пересел на другое место. Долго глядел в угол. Достал другую восьмушку „Кременчуга“. Цыгарки стал вертеть еще толще. Потеть начал.

— О быте... о быте...—И слово потеряло свое значение. Сначала было похоже на что-то режущее, вроде быка, потом расплзлось в бесформенный пузырь и, наконец, совершенно растаяло в тумане табачного дыма.

Плюнул и оставил до завтра.

Целую неделю ходил, точно ему 10 лет приляпали. Побледнел, осунулся. Даже аппетит потерял.

Пошел в забком.

— А! Рабкор! Ты что-ж не пишешь?

— Товарищи!—чуть не плакал Зыкин,— может, я себе заместителя найду?..

— Ты что! Дисциплину забыл? Работать не хочешь?!

— Да не могу я писать. Я лучше каждый день дежурить в клубе буду. Пошлите в подшефную волость,—я там кооперацию налажу. А писать—хоть убей, ничего не выходит!

— Нет! Ты не фини, а пиши. Не умеешь, так выучись! Через месяц отчет о своей работе дашь.

Прошел и месяц. Ваня совсем захирел. Веселость пропала. К работе—руки отвалились. Сгорбился. Нос заострился. Не Ваня, а Ванина тень.

На собрании отчитался коротко:

— Не писал и писать не буду.

Запротоколили: „Строгий выговор и общественное порицание“.

На другой день Иван Зыкин не вышел на работу и запил. А через месяц его рассчитали, как „негодного элемента“.

Идон дер Шши.

КАК ПОЛУЧИТЬ ПО СЧЕТУ.

Задача, кажется, простая—любой совмальчик решит, но на деле это не так!

Стройбюро взяло в аренду несколько сотен саженей камня в Криндачевке, камня наломало на 165 руб., а денег не уплатило.

Райземуправление пишет начраймилиции, начраймилиции—начпроммилиции,—стройбюро.

А стройбюро уплатило?—Не тут-то было!

Стройбюро пишет начпроммилиции, чтобы РИК прислал счет, промилиция посылает милиционера из рудник, тот пишет начпроммилиции, начпроммилиция пишет начраймилиции, начраймилиция Риду, Рик завземуправлением, завземуправлением—местхозу, местхоз райисполкому, райисполком бухгалтеру, бухгалтер с резолюцией опять в—райисполком, райисполком—в стройбюро...

Наконец, счет оплачен?

Нет. Стройбюро пошлет его в Харьков для резолюции, а кто и когда заплатит—неизвестно.

Наверное, дело кончится так. Дойдет черед до кассы, а кассир посмотрит на ордер и скажет:

— А вы-то с каким счетом пожаловали! Да ему срок давно прошел! Вспомнили!

И останется райземуправление без денег.

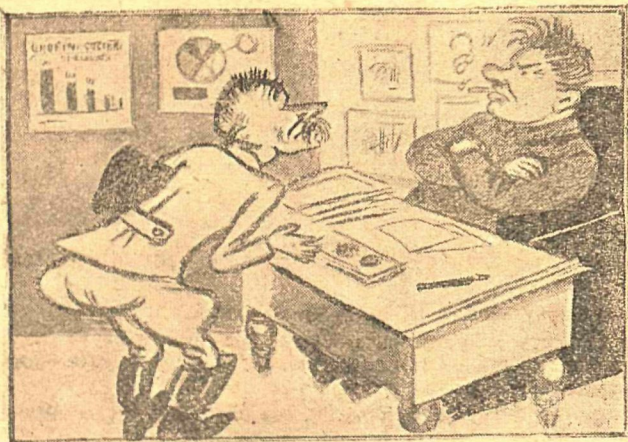
СЛУЖБИСТЫ.

(Водоизменение бюрократов)

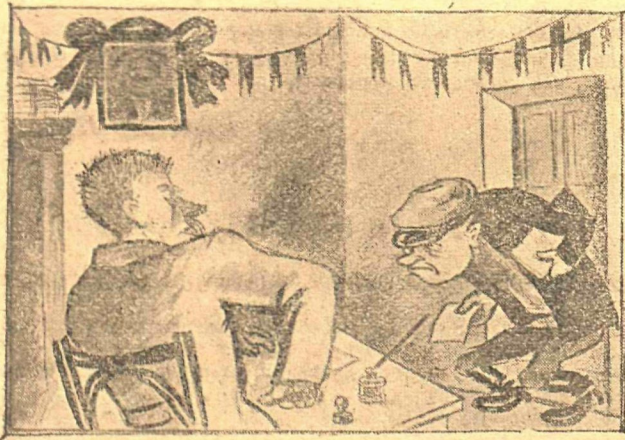
Рис. С. Адливанкина.

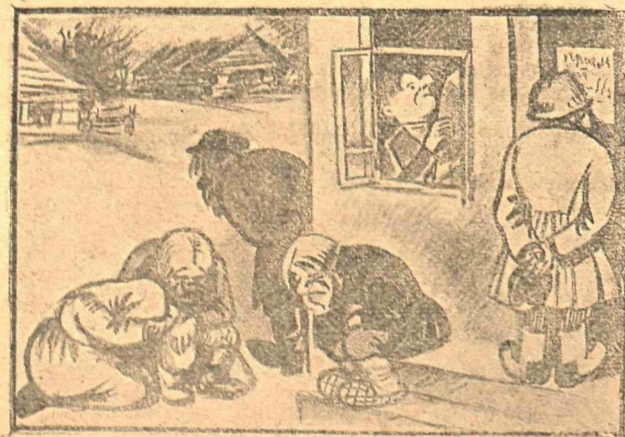
Столичный принимает губернского.

Губернский принимает уездного.

Уездный принимает волостного.

Волостной принимает крестьян.

НА ЛЕГКОМ ВОЗДУХЕ.

В два часа ночи, когда Николай Петрович Игнатов вернулся после заседания, он радостно объявил жене:

— Готовься, через денек получаю отпуск—и айда в деревню. Славно отдохнем! Река! Лес! Ягоды! Воздух легкий! Хорошо будет!..

Николай Петрович еще в прошлом году решил: „Ни в какие курорты и дома отдыха не еду. В дебри, в глушь, где вода и сосна, только там можно отдохнуть“.

С утра он начал готовиться к отъезду. Первым делом заглянул в губком. Секретарь Гербарев, на минуту оторвавшись от письменного стола, ласково сказал:

— Езжай, езжай, Коля, да, смотри, хорошенько отдохни, а то ты совсем измотался... Работы еще нам до чорта!.. Кстати, тебе там делать будет нечего; я думаю тебе поручить провести беспартийную уездную конференцию... Знаешь, людей там нет, а это у тебе кое-какие материалы... Ну, будь здоров! Поправляйся...

Выходя из губкома, Николай Петрович встретил завгубздравотделом тов. Петряхина. Разговорились.

— Ну, Как?

— Да вот, еду отдыхать в деревню.

— Это ты хорошо задумал. Тебе отдохнуть необходимо, а то ты и на человека не похож. Налого?

— На месяц.

— Вот идея... Ведь тебе там делать нечего будет... Не сможешь ли ты прочесть в уезде и в некоторых селах несколько докладов о борьбе с малярией и о половом вопросе. А?

— Не знаком я... с вопросом-то с этим...—нерешительно возразил Игнатов.

— Ну, пустяки какие: подготовишься. А доклады отнимут у тебя всего дня два. Только одно удовольствие—проедешься по селам.

Вечером, когда Игнатов увязывал корзину (поезд уходил в 6 утра), влетел завгубфинотдела и зазвенел:

— Везде тебя ищут, а ты, оказывается, дома! Я только что из губкома. Мне Гербарев передал, что ты едешь в деревню. Значит, мы с ним и решили—возложить на тебя в уезде и в волости проведение ряда собраний о новой политике в деревне. Сам знаешь, как это важно! Циркуляры, инструкции и все необходимое вышлю почтой на адрес уюкома. Держи с нами крепче связь и старайся подробнее отметить все недостатки...

Когда Игнатов с женой сидел уже в вагоне, запыхавшись, вскочил редактор местной газеты и умолял.

— Непременно, во что бы то ни стало, прошу тебя, устрой в волостном масштабе рабковское совещание... Посмотри деревенские стенгазеты и информируй редколлегии...

И когда поезд медленно уходил, редактор бежал по перрону и кричал:

— Я охотно пришлю тебе итоги и перспективы рабселькоровского движения, стенографический отчет... Смотри, не забудь!.. Пиши... Пиши...

Николай Петровичу казалось, что поезд ползет черепахой. Николай Петрович нервничал и говорил жене.

— Если мы так будем ползти, я могу опоздать на конференцию... Чорт возьми!..

Николай Петрович нервничал и просматривал брошюру Наркомздрава „Маларийные гнезда“.

На вокзале уездного города Николая Петровича радостно встретил секретарь уюкома:

— Рады, что приехали!.. Сейчас же едем прямо на конференцию. А завтра ваш доклад у кожевников. Да в газетку и шу, кстати, статейки две-три дадите: некому, понимаете, писать!..

Второй день температура у т. в. Игнатова 39. Боль в пояснице и в глазах туман. Возле кровати неотлучно жена. Он дышит тяжело и тихо говорит:

— Вот, выздоровею, и уедем отсюда, а то совсем измотался... Эх, хорошо будет, как приедем,—знаешь только свою работу... Славно там отдохнем с тобой!..

Когда траурная процессия медленно двигалась по главной улице, старуха в телогрейке довоенного образца допытывалась:

— Кого хоронят?

— Тов. Игнатова. Всю жизнь вот за таких бедняков, как ты, страдал... На работе и сторел,— был ответ.

— Це-це... жалко-то как. И такого человечика большевики замучили!..

Покачала головой, вздохнула и трижды перекрестилась.

Б. Левин.

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН.

Поговорим о семье.

Строй наш—социалистический. Это так. Но семья наша нередко построена по образцу и подобию Николая II.

Судите сами.

Для большей убедительности принесем в жертву имена наших героев: 1) Слесарь Тамбовских вагонных мастрских В. Шорин. 2) Рабочий Климовского Государственного Завода № 11 тов. Фотянов. 3) Рабочий Московской кардоложной фабрики Галюлин. Для упрощения будем называть только фамилию Шорина.

Правительство. Власть в семье Шорина распределена следующим образом:

Власть законодательная—Шорин.

Власть судебная—Шорин.

Власть исполнительная—Шорин.

Все вопросы решаются единогласно.

Шоринское правительство за год работы достигло больших успехов. В области законодательной Шорин добился закона о том, что заработок уходит на потребление им русской горькой. В области судебной—выносились множество суровых приговоров о наказании жены. Все ее преступления заключались в „антигосударственной“ агитации против изданного Шоринским закона о беспробудном пьянстве.

Наконец, исполнительная власть может особенно похвастаться. Жена Шорина от побоев еле жива. И то благодаря врачам.

Подданные. Единственный подданный в Шоринском государстве—это жена. Права ее заключаются в том, что она может беспрепятственно стирать правительству белье, варить обед, убирать каморку и т. д.

Обязанности те же, что и права.

Иностранцы. Это соседи по квартире. С ними устанавливаются дружественные отношения в том случае, если есть надежда и лучить зам. И наоборот, дипломатические отношения совершенно прерываются, когда, например, иностранец (сосед) вступает за избиваемого Шоринским подданного, т. е. за его жену.

Армия и флот. Это дети. Если точнее: его дети постарше—армия, а дети грудные—флот...

Хотя армия обычно на стороне правительства, но в семейном государстве армия почти всегда на стороне подданных, т. е. мамы. Но армия необязательная составная часть семейного государства. И правительству (папе) спокойнее, когда ее нет.

Этим только и отличается семейная монархия от свергнутой нами власти Николая II. А ведь известно, если армия переходит на сторону подданных, то начинается революция.

И так, ждем революции в этих трех государствах,

Малоизвестный историк:

Ев. Степной.

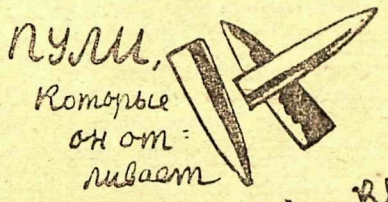
ГРАЖДАННИН НИКУДА КИН

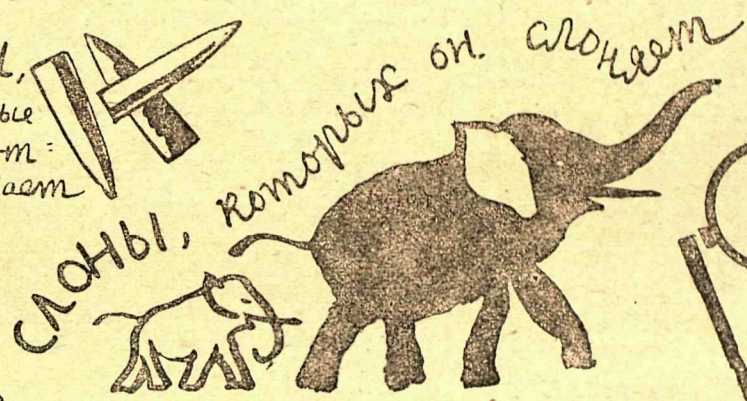
ГРУШИ, которые он около ливает

ВОЛЫНКА, которую он играет

НУЖИ, которые он отливает

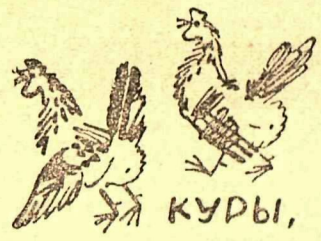
СЛОНЫ, которых он слоняет

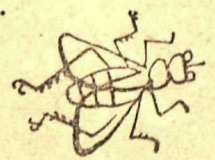
ОЧКИ, которые он втирает

ВОЛ, которого он вертит

КУРЫ, которые он строит на ихихи-сткам

МУХА, под которой он гасит % приходя к службе.

ГАЛСТУХ, за который он заливают

КАЛОША

В которую он, безусловно, когда нибудь СЯДЕТ.

ВИАРЫ В БОК

ТОЖЕ ВОПРОС.

Один из обывателей г. Твери спрашивает:
«Разве это хорошо, что в здании бывшего женского монастыря открыта столовая для рабочих?»
Конечно, плохо—если столовая плохая. А если рабочие будут в ней питаться не хуже, чем в былое время монашески, то это очень даже хорошо!

ГДЕ ТКАЧЕВ?

Из Маньково-Березовской ячейки РЛКСМ «Крокодилу» пишут:
«Крокодилушка! Разыщи ты нашего секретаря ячейки, т. Ткачева. Второй месяц, как у нас нет собраний и нет никакой работы...
Напрасно вы, ребята, его ищете. Ткачев, как образцовый секретарь, нами отправлен в Париж на выставку. Как это вы сами выставить его не догадались?»

РЕДКИЙ ПРИМЕР

«Крокодил» все ругает разное начальство, если оно невнимательно и небезразлично обращается с гражданами. А вот на этот раз можно и порадоваться. Председатель совета в с. Катове, Брянской губернии, пишет такие любезные записки:
«Прошу отпустить одну или две бутылки самогона. С почтением И. Симиненко».
«С почтением! Совсем не гордый! И заметьте,—какой простой этот председатель: не брезгает пить самый простой народный напиток. Обратите же внимание на заслуги т. Симиненко!»

Рис. К. Елисеева.

— На плакате вон написано: „через общественное питание мы придем к коммунизму“. Как ты думаешь, Митя, придем?
— Петька мой, пионер, придет обязательно. А нам с тобой и до дому-то дать трудно.

СТАРОРЕЖИМНОЕ.

Воронежский губисполком разослал вол-исполкомам, а те, в свою очередь, сельсоветам анкету для заполнения. Здорово потеют сельские работники над этой анкетой. Больше ничего делать не успевают, так как нужно давать сведения по 160 графам. Для чего революцию делали?! Графы давно в Черном море, а воронежские губисполкомшники никак с волокитой расстаться не могут. Обидно даже как-то.

ВСТРЕЧНЫЙ ИСК.

.. Г-ну Худякову (ОГПУ) г. Надежинск...
На 1-е февраля с. г., по книгам и бухгалтерии мы имеем получить с вас долг в сумме — Руб. 40 к., который благоволи-те сдать в нашу кассу не позднее трех дней с получением сего, в противном случае вам будет предъявлен гражданский иск.

Зам. Пред. Правления (Бураков).
Бухгалтер (Коркин)
Ст. счетовод (Бизяев).

Нужно проявить ИСК-любительное гражданское мужество, чтобы писать подобные писульки из-за 40 копеек. Мы предъявляем зампредправления Буракову встречный Крокодилский иск за испорченную бумагу, время и настроение «Крокодила».

ПРЕДЗАВКОМ, ГДЕ ТЫ, ОТЗОВИСЬ.

«На Михайловской писчебумажной фабрике Свердловского округа, фабком неделями бывает закрыт. Рабочие спрашивают, где предфабком. Один ответ—уехал».
И чего это ему не сидится?
Может быть, ему предфабкомское кресло приелось. Тогда, конечно, один путь — вехать... всерьез и надолго...

БАСТУЮТ.

Там же: «Около двух лет, как существует Добролет и Доброхим, и за это время ни одного собрания не устроили».
Вот тебе и Добролет, и Доброхим. Такие «добренькие», а жалко им хоть одно собрание созвать.

ПОДШЕФНОЕ.

Сообщают нам из Астрахани вот такой факт. И очень печальный:
«Ячейка РЛКСМ завода им. Ленина организовала поездку в подшефное село Гачан. Приехав туда, член бюро ячейки РЛКСМ Увакин и член бюро губкома РЛКСМ Новиков долбанули самогону и давай драться, так что дело дошло до ножей».
Дошло до ножей,—дойдет и до губКК... Ходкое, вообще, это дело!

КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ.

«Крокодилу» сообщают, что:
В чебоксарском «доме крестьянина» (чувашобласти) очень грязно, и вместо чтения газет и бесед, забавляются картами. Играют в «Акульку» и «козла»...
Не иначе, как про чебоксарский «дом крестьянина» сложена поговорка — «Как от козла, ни шерсти, ни молока».

ЗАЩИТА ЖЕНЩИН.

Омская страхкасса поступает так:
«Если в страховой книжке работницы вписан на ее иждивении муж инвалид или безработный, то его вычеркивают и объясняют, что муж у жены на иждивении состоять не может».
Гоголевский городничий поступал еще решительнее:
— На что тебе,—говорит,—муж? Он тебе,—говорит,—совсем не нужен!

НОВОСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ.

Кизел-трест договорился с железной дорогой о подаче паровоза для подталкивания порожняка и отвозки вагонов с углем. К сожалению, паровоз своими силами двигаться не может, и штейгер сгоняет всех грузчиков для подталкивания паровоза. Обычно бывает так: у администрации—мозги человеческие, а у паровозов — силы лошадиные. В Кизеле немного наоборот.

ИЗЛИШНЕЕ УСЕРДИЕ.

Областной комиссией по зырянзации автономной области Коми предложено уволить с занимаемых должностей нескольких служащих за непосещение, без уважительных причин курсов по изучению коми языка.
Автор выражения «перегибать палку», несомненно имел в виду членов областной комиссии по зырянзации.

ПРОТИВОГАЗ.

Есть еще на свете толковые, практические люди. Вот, например: «секретарь станицы Раздольной очень доволен тем, что в станице не получается газет. Говорит: меньше знают, меньше возни».
И правильно рассуждает. А то еще почитают граждане Раздольной газетку, а на следующий день — глянь, — секретаря как и не было.

ОТОМСТИЛ.

Нам сообщают:
«Хасанов Ибрагим — бывший председатель союза транспортных рабочих Андигана — заказал для себя самогонный аппарат».
Мстительный человек этот Хасанов. Думает: «меня из транспортного аппарата выгнали, погодите же!» И заказал себе самогонный аппарат, чтоб хоть что-нибудь и самому гнать.

— Вот, наконец-то, в нашей пустыне поселились настоящие подвижники и великомученики.

ТОВ. ВОРОНОВ БРЫКАЕТСЯ.

В № 16 «Крокодила» была помещена заметка нашего рабкора о том, как секретарь Подольского укома т. Воронов заявил в своем докладе, что «беспартийный» — это старый мерин, которого комсомольцы должны об'езжать».

В своем письме в газету «Подольский Рабочий» (№ 20) тов. Воронов заявляет протест против утверждения рабкора и раздражается ругательствами по адресу «Крокодила».

Нам нет надобности доказывать правоту рабкорского сообщения, так как в письме самого Воронова имеются доказательства его политической малограмотности и комчанства. Союз рабочих и крестьян, по словам т. Воронова, приносит пользу враждебным партиям. В своем письме тов. Воронов пишет буквально следующее:

«О крестьянстве я говорил — «Партия взяла курс «лицом к деревне»: все враждебные партии из этого извлекают пользу (курсив наш. К.), но рабочая молодежь и комсомол должны держать ухо востро». Для воспитания комсомольцев т. Воронов предлагает такие лошадиные меры:

«Комсомольцы молодые и горячие, их надо об'ездить и так, чтобы выварить из них полезных людей».

О своей особе тов. Воронов выражается довольно скромно:

«Явная ложь, приписываемая ответственным руководителям партии (курсив наш), сеет рознь между партией и беспартийными массами».

В заключение «ответственный руководитель партии», вождь мирового пролетариата, тов. Воронов высказывает сожаление о том, что «Крокодил» вообще издается.

Действительно, — журнал очень неприятный... для тех, про кого в нем пишут.

НОТ НАИЗНАНКУ.

Еще одно превосходное средство для экономии нашел управляющий Мариупольскими госзаводами т. Велигура. В своем приказе № 13 он объявил:

«В дни выплаты заработка выдача денег будет производиться в течение одного часа»

А на заводах, — 5.000 человек! Более 1.000 рабочих живут за 7 верст от завода. Ясно, что многие останутся без полочки, и у т. Велигуры, таким образом, будет запас оборотных средств. Неудобство этой системы заключается только в том, что изобретателю ее приходится много икать. Часто поминуют!

У СЕМИ НЯНЕК ДИТЯ БЕЗ ГЛАЗУ.

В одном из приказов Марийского областного исполкома «Крокодил» на досуге нашел такие строки:

«Уважительными причинами к невыводу лошади на сгонный пункт могут быть по следующим обстоятельствам:

- а) удостоверенные райсельсоветами или милицией по случаю стихийного явления, делающего совершенно невозможным привод лошади на сгонный пункт;
- б) дальняя отлука лошади, если только она не устроена умышленно, с целью сокрытия ее от регистрации»...

Приказ сей подписали областные работники: Григорьев, Зотов и Фавстов. Дорогие товарищи! Если у вас нет времени читать приказы, которые вы подписываете, то присылайте их для предварительного прочтения «Крокодилу». Мне, все равно, приходится их читать. Такая уж неприятная моя должность.

УСПЕХИ МЕДИЦИНЫ.

Как шагает наука—просто уму непостижимо! Совсем, кажется, недавно были сделаны первые опыты омолаживания, а вот на-днях в Ликинской больницы амбулатории (Моск. губ.) сделан первый опыт превращения женщины в мужчину. Пришла в амбулаторию гражданка Парамонова, Марья Трофимовна, ленточница, женщина. А вышел из амбулатории... мужчина. Доказательство? Больничный листок — самое неопровержимое.

То-то обрадуется заводоуправление, увидев появившегося мужчину. Да, что там заводоуправление! Весь СССР должен радоваться очередному завоеванию русской науки!

ПОЧТИТЕЛЬНОЕ.

Нижегородский губотдел союза текстильщиков запросил учреждения о суммах, израсходованных на ремонт фабричных зданий и жилищ рабочих за 1924 год. Все заводоуправления и учреждения дали просимые сведения, но об'единенное управление государственных промышленных предприятий вежливо ответило, за подписью замдиректора Жевакина и бухгалтера Майорова, что они сами запросили ГСНХ, — давать ли такие сведения: «у нас не имеется распоряжения ГСНХ о доставлении вам подобного рода сведений».

И правильно! Не токмо распоряжения из ГСНХ не поступало, но даже и декрета не было о том, чтобы эти самые сведения Жевакин и Майоров давали профсоюзу. И, вообще, нигде не сказано.

Эх, Жевакин! С Майорова что спросишь? Ну, а вы-то как не разжевали? А еще зам.

Так, в кавычках, и называет Уралкнига свое произведение — «Карманный словарь». Выходит эта книга вторым, исправленным и дополненным изданием. Что было в первом, не исправленном и не дополненном, — неизвестно. А во втором кое-что достойное внимания имеется. Так, читатель газеты, пока не досмотрится до кавычек и не догадается, что над ним просто издеваются, получает такого рода помощь:

- Гармонировать — соответствовать.
- Гомруль — реформа, которой требовали сторонники самостоятельности Ирландии.
- Догадов — секретарь ВЦСПС.
- Изгой — граждане второго разряда.
- Инфекция — заразительная болезнь.
- Кандидат — лицо, намеченное на должность к избранию.
- Либерализм — образ мыслей, политическое направление, не связанное с религиозными предрассудками.
- Троцкий — ...после февральской революции вступил в организацию «межрабборцев».

На какого дьявола ирландцам нужен был гомруль, и что это за штука, помощь в кавычках не дает, конечно, никакого ответа, и, говоря ее языком, не гармонирует потребностям читателя. Зато с потрясающей и исчерпывающей точностью определяет тов. Догадова, ошарашивает своими «изгоями», сбивает с толку «инфекцией», превращает в идиота «либерализмом» и добивает «межрабборцами». Подумали мы было, что составители взяли аванс и удрали, предоставив заканчивать работу безработному дьякону, но оказалось, что на Урале (вернее, в Уралкниге) слово «аванс» обозначает следующее: «денежная сумма, выдаваемая вперед за выполнение работы или для приобретения каких-нибудь предметов под отчет».

Не то плохо, что эта книга появилась в Москве, а то скверно, что она вышла на Урале. Впрочем, не унывай, Уралкнига! Если бы она вышла и не на Урале, но в таком же виде, — лучше бы не было!

В. П.

ТОЧНЫЙ УЧЕТ.

«На ф-ке Электрoлампа 1-я (Москва) диаграмма к выборам в Моссовет показывает — депутатов 1950: из них мужчин — 90%, женщин — 7%, — сообщает «Крокодилу» крокор и удивленно спрашивает: — А где еще 3%?..

Ничего тут удивительного, товарищ, нет... А утечка? Усушка? Тут все 3 процента и лягут... Электрoлампа, брат, все учла...

БЫТОВОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Фотограф Карасик отмахнулся треножником от загоревшего ему дверь субъекта в рыжей гимнастерке и влетел в переполненный публикой зал.

— Уф! — пробормотал он, вытирая рукавом пиджака бритое круглое лицо: — чуть не опоздал!

— Тише! Тише! — зашикали на него с мест.

— А почему тише? — громко удивился Карасик, — ведь, кажется, не начали говорить ораторы. Вы можете молчать, если вам угодно, а я немножко поговорю. Вот теперь я могу тише, потому что вышел оратор.

Действительно, на эстраде показался человек в кожаной тужурке, шепнул что-то сидевшему за столом председателю собрания и привычным жестом поднял правую руку.

— Товарищи! — громко сказал он, — сейчас я постараюсь нарисовать вам в общем и целом краткую, но выуклую картину...

— Стойте! — восторженно закричал, устремляясь в проход между лавками, Карасик: — стойте же! Вот, именно, эта поза! Сейчас я установлю аппарат!

Оратор замолчал. Председатель болезненно сморщился и звякнул колокольчиком:

— В чем дело, товарищ? Прошу которых там не прерывать оратора!

— Я и не прерываю, — с грохотом установившая треножник, отозвалась Карасик, — мне нужна только поза. Я же не простой фотограф, а художник. Почему вы опустили руку, товарищ оратор? Поза уже не та.

— Замолчите, иначе я попрошу вас оставить зал! — крикнул председатель!

— Та-ак! — ядовито протянул Карасик, — новое дело! Это значит свобода слова. И за что мы кровь проливали? Ох, не понимают различия между простым фотографом и художником... Тут, главное — поза, выраженные лица, ракурсы...

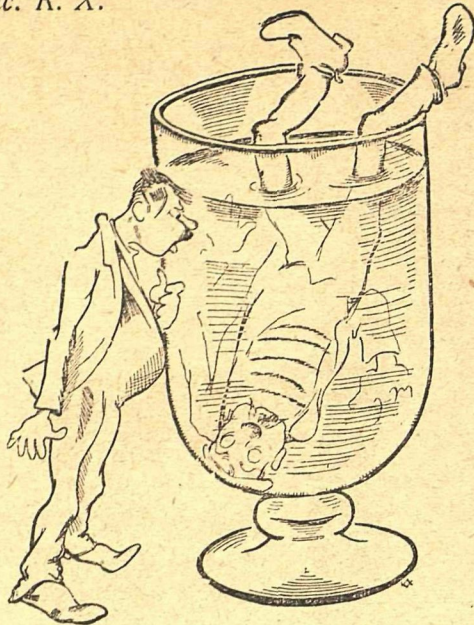
Он огляделся, ища сочувствия, но все присутствующие усердно шикали.

— Итак, товарищи, — заговорил снова оратор: — я продолжаю. В настоящий текущий момент...

Неожиданно раздался грохот упавшего треножника и сердитый голос прогудел на весь зал: — А, чтоб тебя черти сели! Только что было уловил позу!

— Послушайте! — нахмурил брови оратор, — какого чорта вы мешаете? Убирайтесь со своим треножником... Председатель, примите меры!

— Он не понимает, что мне нужна поза! — трагическим тоном вскричал Карасик, устанавливая снова треножник: — ведь, я же вас буду сним-

Пивной утопленник.

СУДОТВОРЧЕСТВО ГУБКМУНОТДЕЛА.

Есть в СССР Гомельское губернское управление коммунальным хозяйством, и есть в нем люди — работники: замзав, Казачков, завучет и распред, и делопроизводитель — фамилий последних двух не знаем. То-ли делать этим трем нечего, то-ли еще почему, но только однажды некий гражданин Сушков получил такую бумажку за подписями и печатями этого губкомунотдела:

Настоящим губкомунотдел категорически предлагает вам прекратить всякого рода притеснения по отношению к сожительнице вашей гр. Монетовой, в противном случае дело будет направлено в Нарсуд для привлечения вас к ответственности за несожительство с членами союза.

Если дальше так пойдет, то губкомунотделу придется и Загс заменить, и Нарсуд, а может быть, и церковь, — не все же ведь живут по Загсу, а многие и по церковному браку.

Нехорошо, милый, сожительством всяких обязанностей заниматься, ой, как нехорошо!

мать. Я сотрудник всех газет и журналов. По поручению редакции. Ну, ну, говорите вы, а я буду молчать!

Оратор скопил глаза на председателя, усмехнулся и начал снова: — Итак, товарищи, я буду краток. Принимая во внимание создавшееся положение...

В этот момент в зале послышался треск и вспыхнул ослепительный свет магния. Публика всколыхнулась, колокольчик в руке председателя беспомощно захлебнулся, оратор застыл с открытым ртом.

— Прекрасно! Вот это была удачная поза! — прогудел восхищенный голос, — поднимите еще руку и сделайте умное лицо. Еще один снимок. Я сейчас. Только перемену кассету!

Через минуту Карасик в сопровождении широкоплечего человека в кожаной куртке, любовно положившего широкую ладонь на воротник его пиджака, быстро спускался по лестнице и жаловался с оттенком поддельной грусти:

— Разве они понимают разницу между простым фотографом и художником? Тут, главное, уловить позу... Пойдите, товарищ, не давите шею, я иду... Из-за одного снимка сколько неприятностей! А я, ведь, по поручению редакции. Говорят — поезжайте на собрание текстильщиков. Ну, я и поехал...

— Как ты говоришь? — остановился у выхода его спутник. — Текстильщиков? Вона! Попал пальцем в небо — ковыряй дальше. Это же собрание кустарей!..

— Кустарей? — выпучил на него глаза фотограф: — как же это так?

— А уж не знаю как, — усмехнулся человек в кожаной куртке, — а, промежду прочим, раз напакостил, как верблюд, то и катись колбасой отседа!

Карасик хлопнул себя кулаком по лбу и простонал:

— Ах, ты, телятина! Опять перепутал!

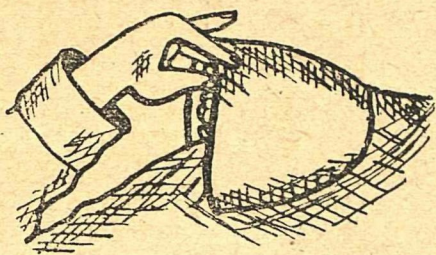
Н. А. Карлов.

ТОВАРИЩИ ЧИТАТЕЛИ!

ПОСЫЛАЙТЕ НАМ МАТЕРИАЛ ДЛЯ ОТДЕЛА

„ВИЛЫ В БОК“.

НАШ ПАНОПТИКУМ.

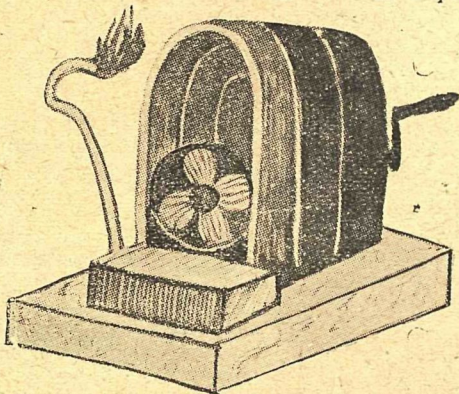
КОМУ ЭТАК, КОМУ ТАК.

(Тейково, рабочий клуб имени К. Маркса).

Карман, предназначенный для собирания рублевых штрафов, установленных в клубе за курение, плевание и семячолушение. Ладно. Но вот когда дойдет дело получить штраф с правленца,—дело выходит дрянь. Правленец лущит. А вместо штрафа высказывает:

— Держи карман шире.

Г. Фирин.

НОВОСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ.

(Белокалитвенское рудоуправление, шахта № 1)

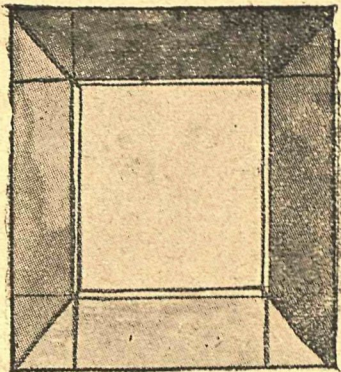
Обгоняем Европу. Управруд Богуревских рудников электрифицируется: заказал в центральных механических мастерских сделать себе из телефона зажигалку на мраморной доске. Управруд, несомненно, изобретатель. Изобрел способ накинуть копейку на пуд советского угля.

СРОЧНО И НЕОТЛОЖНО

(Донбасс, Петровский рудник, шахта №3/18).

В казармах холостяков нет скамеек, столов, корыт. Не раз просили: изготовить в плотницкой. Но завшахтой Палант и помзава Комарский разводили руками: — Что вы! Нельзя! Плотницкая занята срочной работой!

Ось, побачьте, яка така робота.

а) Дубовая рама настольная для собственно-ручной бабушки инженера Паланта.

б) Санки (это весной-то!) штейгеру Комарскому, особой конструкции: чтобы едучи можно было головку откинуть, смотреть в небеса и размышлять о суетности мира сего.

Бунтарь.

МОНАРХИЯ В ЧЕРКИЗОВЕ

(Москва, сл. Черкизово).

Поневоле вспомнишь об этом идоле, когда проходишь мимо черкизовской аптеки. Вы только подумайте: шесть орлов, и все—двуглавые. Охрана труда, где ты?!

С. Столл.

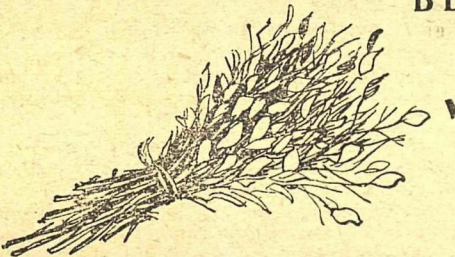

НОВЫЙ ВИД ПРОЗОДЕЖДЫ.

(Москва, типография Центрального Товарищества кооперативных издательств).

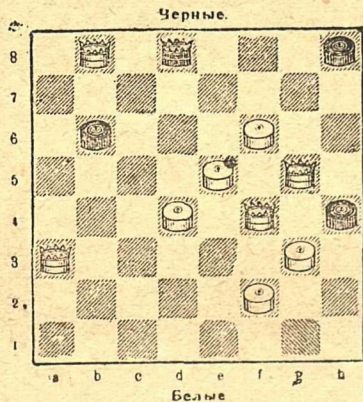
Этими заявлениями в стереотипной заменяются положенные, как спецодежда, рукавицы. Рукавиц не выдают. На заявления охрана труда безмолвствует. Так, чем заявления пропадают—уж лучше ими, вместо рукавиц, руки обернуть.

ВЫЕЗДНАЯ СЕССИЯ ПАНОПТИКУМА.

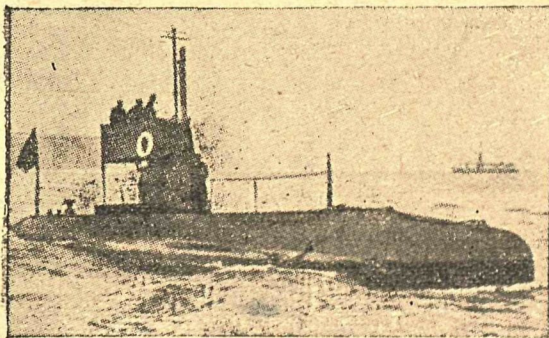
ГИГИЕНА И САНИТАРИЯ.

Охрана чистоты поставлена блестяще. Этим веником, силами квартирной комиссии, подметаются квартиры в рабочем поселке. Правда, выметают не сор (это только у «Крокодила» такая вредная привычка—сор выносить из избы), а вдов с малыми детьми. Выметают их в барак, за шесть верст от поселка.

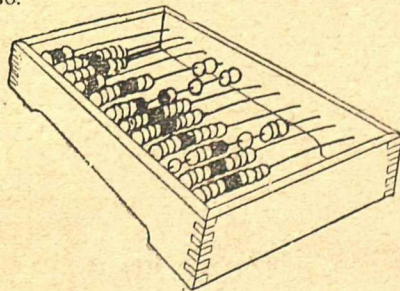
КУЛЬТРАБОТА

Идет прямо замечательно, и приняла массовый характер. В читальне утром—шашки, в обед—шашки, вечером—шашки, и ночью—шашки. Жаль, вот только, неиграющим почитать негде. А, впрочем, на что ему читать? Только глаза портить. Обойдется.

ОХРАНА ТРУДА.

На должной высоте. Так как в механической мастерской половина пола залита водой вершка на четыре, заботливая администрация покупает подводную лодку—слесарям плавать по помещению. Культурно, экономно и, вообще, очень здорово.

ОТЧЕТНОСТЬ.

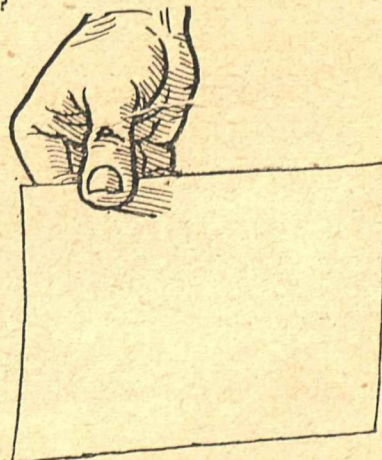
Ведется в ударном порядке: с ноября подсчитывается должок рабочих и служащих в конторе. Должок пустяковый—так, тысяч шесть. Правление кооператива разрешило брать товар в кредит на сумму в 10 раз больше заработка,—ну, и брали.

Должники, имеющие до 400 рублей долгу, занесены на красную доску. Предполагается чествовать их, как героев кредита.

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА.

На крыше силовой станции поставили гудок. Хотя за сто сажен* его не слышно, но зато сколько развлечения для рабочих: бегать утром на завод осведомляться, гудел уже гудок, или еще не гудел?

КАКАЯ, МЕЖДУ ПРОЧИМ, НЕПРИЯТНОСТЬ!..

Этот чистый листок бумаги приготовлен «Крокодилом» и положен в левый ящик стола. На листке этом «Крокодил» запишет результаты выезда «Паноптикума» к курловцам (о чем сообщит рабочий). Если же результат будет без последствий—ну, держись тогда, ребята! Сроку на ответ—один месяц с получения этого номера.

РОССИЙСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ
22 ИЮН 1925
КНИЖНАЯ ПАЛАТА

Ю. Ганфа.

ЦАНКОВ:—Постоянно рабочие у меня без дела болтаются...